

«Поскольку трубы теперь прочищены, мы уходим».

Видя, что он не может больше вытянуть из женщины с рисованным карандашом ни слова, Бай Лисинь также не собирался больше здесь оставаться.

Оставалось чуть больше трех часов, и у него были другие планы.

Женщина закурила сигарету, во рту у нее был ярко-красный мелок.

Она вдохнула и легонько ударила.

«Я еще не заплатила. Сколько вы берете за чистку канализации?»

Бай Лисинь открыл кран и начисто вымыл руки: «Деньги не нужны, мы были не в том месте, а инструменты были вашими».

— Тск, — засмеялась женщина, выпуская изо рта струйку белого дыма, — у тебя доброе сердце, братишка.

Перед уходом Бай Лисинь посмотрел на часы, висящие на стене в комнате. Они показывали время 9:15.

Он только выглянул в окно ванной, а снаружи было уже темно, так что, должно быть, уже после 9 вечера.

Когда Бай Лисинь и Ди Цзя толкнули дверь, чтобы уйти, мужчина, который ушел покурить, вернулся.

Тело мужчины было очень подтянутым, и острые глаза Бай Лисиня увидели черное пятно, немного похожее на родимое пятно, под жилетом мужчины.

Мужчина остановился, увидев двух мужчин. Он нахмурился и осторожно спросил: «Кто вы?»

— Почему ты жесток? Женщина села на диван, скрестила ноги и выкурила сигарету. — Это сантехники. Недавно канализация была засорена, и оказалось, что это скальп соседской лисицы.

Тело мужчины на пару секунд напряглось, и он вошел внутрь после того, как пошатнулся от Бай Лисиня: «Где эта несчастная штука? Поторопись и смой его».

Женщина: «Смыть для чего? Полиция сообщила, что за это было вознаграждение в размере

десяти юаней. Если бы ты был способен, мы бы давно съехали из здания, и я бы не приберегла эту гадость только для 10».

Дверь в комнату и металлическая дверь захлопнулись, и звук спора мужчины и женщины стал приглушенным и расплывчатым.

Взгляд Ди Цзя стал глубже, и он молча взглянул на Бай Лисиня: «Ты собираешься проверить дом, о котором идет речь?»

Бай Лисинь кивнул: «Пошли. Ведь мы уже здесь».

Это был 19-й этаж, на котором жила женщина-призрак, но ее еще не видели.

Призрак был настолько силен, что даже реконструировал жилой дом того времени. Не будет ли место преступления также реалистичным?

Ди Цзя взял Бай Лисиня за руку, и его голос был немного серьезным: «Не будь безрассудным и не бойся. Я буду защищать тебя.»

Бай Лисинь собирался пойти вперед, но когда он услышал слова Ди Цзя, он остановился и, повернув запястье, похлопал тыльную сторону холодной руки Ди Цзя: «Да, я знаю, ты тоже».

Лампы накаливания над головой пульсировали интенсивнее, когда они брели по коридору, полному беспорядка.

Темный жилой коридор был узким и грязным. К решетчатой железной двери жилого дома была прикреплена белая печать, а вокруг рамы были обернуты две предупреждающие ленты.

Железная дверь была открыта щелью, и темное и пустое внутреннее пространство было обнажено.

Несмотря на то, что сквозь щель ничего не было видно, изнутри лихорадочно хлестала леденящая и холодная аура, которую было просто невозможно игнорировать.

Ди Цзя тихонько взял Бай Лисиня за плечи и потянул за собой.

Широкие плечи закрывали ему обзор и защищали от холода.

Бай Лисинь взглянул на Ди Цзя и увидел, что другой человек уже начал молча тянуть ленту предостережения.

Лента была сорвана.

Все это время Ди Цзя твердо охранял Бай Лисиня позади себя.

Старая, ветхая железная дверь с громким скрипом распахнулась в узком сумрачном коридоре.

Бай Лисинь понял, что шум по соседству прекратился, и во всем коридоре стало тихо, как в могиле, даже его дыхание усилилось в несколько раз.

Сделав тайный вдох, Бай Лисинь протянул руку из-за спины Ди Цзя и с небольшой щелью толкнул деревянную дверь за железной.

Лампа накаливания над головой внезапно вспыхнула несколько раз.

С громким «хлопком» последнее упрямство лампы накаливания исчезло, и перед глазами вдруг стало кромешной тьмой.

Что-то мелькнуло в темноте, принеся с собой небольшой порыв ветра.

Пока Бай Лисинь ждал, пока его зрение привыкнет к темноте, пара широких рук взяла его за руку.

Эти руки потеряли свое первоначальное тепло, но в этой тесной и ужасающей темноте они придавали Бай Лисиню большое мужество, хотя на самом деле он не был напуган.

«Следуй за мной, я защищу тебя». Голос Ди Цзя зазвенел, как будто защита Бай Лисиня была укоренена в его инстинктах, и каждый раз, когда он сталкивался с чем-то, он подсознательно хотел защитить его.

Кукольная голова в его руках дважды дернулась, как будто проснулась.

Бай Лисинь почувствовал, как кукольная голова повернулась тыльной стороной его руки своими нежными, как тофу, щечками.

В следующую секунду голова куклы повернулась и прыгнула ему на плечо.

"Пойдем." Бай Лисинь посмотрел на время на панели задач; было уже 2 часа ночи.

Со временем он постепенно приспособился к темноте, и перед его глазами стали появляться какие-то очертания.

Ди Цзя потянулся к Бай Лисиню, он вошел в деревянную дверь. Как только они вошли в дверь, мужчина и призрак остановились как вкопанные.

Рука Ди Цзя, которая держала Бай Лисиня, слегка надавила, как бы говоря ему «не бойся».

Бай Лисинь прищурился и увидел смутные очертания кого-то, стоящего перед ними.

Он выглядел как высокий и худощавый человек, и пока они смотрели на силуэт, силуэт тоже смотрел на них.

В темноте обе стороны молча противостояли друг другу.

В духе классических ренессансных теорий, таких как «злодей умирает, если слишком много болтает» и «если враг не двигается, я не буду двигаться», поэтому Бай Лисинь просто медлил.

Примерно через несколько минут из темноты раздался мягкий женский голос.

— Почему бы вам двоим не войти? Что вы стоите в дверях, как воры?

Фигура медленно приближалась к Бай Лисиню и Ди Цзя, и когда она двигалась, в воздухе начала течь холодная аура.

Тело Ди Цзя слегка шевельнулось, полностью блокируя Бай Лисиня позади себя.

Темная тень протянулась и коснулась стены, и со щелчком загорелся верхний свет.

Свет был немного тусклым, но в этом тусклом свете темная фигура наконец стала видна мужчине и призраку.

Дыхание Бай Лисиня на мгновение остановилось, когда он ясно увидел фигуру перед собой.

Перед ним была женщина, только все ее тело было покрыто линиями. Линии были плотными черными нитями, которые сшивали ее тело.

Это может быть потому, что часть плоти не удалось найти или она разложилась, поэтому сращивание было не таким совершенным, как могло бы быть.

На женщине было самое простое цветочное платье с фартуком поверх него.

Бай Лисинь не мог видеть кожу, спрятанную под платьем, но то, что было видно, было просто

случайным образом сшито вместе, образуя конечности и голову.

Некоторые органы желудка были на руках, а черты лица были сложены случайным образом. Один глаз был горизонтальным, а другой вертикальным. Нос был пришит туда, где были щеки, а рот криво свисал.

Женщина расплылась в улыбке. «Мама приготовит ваш любимый отвар из нежирной свинины и тушенку из свинины сегодня вечером».

Бай Лисинь: «.....»

Когда женщина заговорила, гниющая плоть обнажилась там, где кожа была не идеальной.

Я онемел.

«Мин Мин, отведи свою сестру в кабинет, чтобы сначала сделать домашнее задание; еда скоро будет готова».

Бай Лисинь и Ди Цзя переглянулись.

Кабинет, какая это была комната?

Когда они оба заколебались, призрак резко нахмурился, а ее глаза прояснились. Слабый холодный ветер дул в воздухе, и ее волосы начали подниматься вверх.

Жуткий женский голос медленно достиг ушей двух мужчин: «Разве вы не знаете... где кабинет?»

Посреди неловкого взгляда Бай Лисинь высунул голову из-за спины Ди Цзя. Он натянул улыбку и позвал: «Мама».

Услышав этот призыв, гнев женщины утих.

Ее волосы упали естественным образом, и женщина криво улыбнулась: «Эн».

Бай Лисинь увидел мягкую плоть, выдавливаемую между нитями, скрепляющими плоть, «.....»

У тебя может быть прекрасная улыбка, но не улыбайся снова.

Бай Лисинь: «Сегодня учитель не задал домашнее задание».

Женщина в замешательстве нахмурилась. «Они всегда задают домашнее задание; почему его нет сегодня?»

Бай Лисинь: «Сегодня выходные. Мы с братом просто вышли поиграть, ты забыла?»

Ди Цзя продолжал держать пальцы Бай Лисиня и потирать его тыльную сторону руки.

Глаза женщины несколько секунд оставались пустыми, прежде чем она понимающе кивнула: «Да, да, сегодня выходные, взгляните на память мамы. Мне жаль, детка. Память у мамы в последнее время плохая, мама такая дура».

«Ни за что, — Бай Лисинь пустил радужные газы, — мама не дура. Мама — самая умная и красивая женщина в мире».

Нельзя протянуть руку и ударить улыбающегося человека, не говоря уже о «матери-призраке», которая любила своих детей.

И действительно, улыбка женщины стала шире: «О, Юань Юань снова делает маму счастливой. Вы, ребята, немного посмотрите телевизор, а мама приготовит для вас».

Затем женщина включила телевизор. Это был старый телевизор с большим задником, и при включении был «колючий» снежный узор.

Она взяла пульт и нажала несколько кнопок, быстро включив детский канал.

Она положила пульт на журнальный столик и прошла на кухню.

Бай Лисинь крикнул через холл: «Мама, закрой дверь на кухню, запах перегара слишком силен».

Женщине явно нравились двое детей, и она сразу же закрыла дверь на кухню: «Ладно, ребята, поиграйте немного, ха-ха. Мин Мин, позаботься о сестре».

Кухонная дверь была закрыта, плавно отделяя их друг от друга.

Бай Лисинь и Ди Цзя переглянулись. Бай Лисинь сильно сжал пальцы Ди Цзя и наклонился, чтобы прошептать на ухо другому мужчине: «Давай проверим другие комнаты».

Теплое дыхание дуло мужчине в ухо, и пальцы Ди Цзя подсознательно сжались.

Глаза Бай Лисиня замерцали, и после двухсекундной паузы он подул на ухо Ди Цзя и

прошептал: «Хорошо, брат?»

Ди Цзя: «.....»

Конечно, все в порядке, как это может быть не в порядке?

Из телевизора доносились звуки детских мультфильмов.

Под звуки мультфильмов они начали обыскивать каждую комнату.

Дом был не большой. Там были холл и кухня, ниша за углом, которая на первый взгляд была санитарным помещением, и еще две комнаты.

Двери в обе комнаты были закрыты, и двое мужчин первыми вошли в комнату, ближайшую к входной двери.

Они включили свет, и перед ними предстала спальня.

Она была не такой уж большой, и в комнате была только двуспальная кровать.

Над кроватью висела фотография женщины в свадебном платье, но лицо женщины было закрашено.

Фотография явно была кадром со свадебного фото, и на одной стороне фото был виден черный угол костюма.

В комнате также были две прикроватные тумбочки и большой платяной шкаф.

Бай Лисинь открыл шкаф и нашел внутри несколько вещей.

Там была тонкая одежда и несколько толстых вещей, все немного поношенные, но больше ничего.

Бай Лисинь закрыл шкаф и, повернув голову, обнаружил, что Ди Цзя уже открыл тумбочку.

Он только подошел, когда увидел, что Ди Цзя спокойно закрывает прикроватную тумбочку одним толчком.

— Что там? Бай Лисинь с любопытством спросил Ди Цзя.

Глаза Ди Цзя блеснули. - Там ничего нет, не смотри.

Как только он это сказал, Бай Лисиню стало еще любопытнее. Он сразу потянул Ди Цзя за руку и открыл ящик.

На глаза попало несколько тонких и квадратных упаковок с небольшой округлой выпуклостью посередине.

Бай Лисинь остановился на две секунды и спокойно закрыл ящик в тишине: «.....»

О.

Его рука потянулась ко второму ящику прикроватной тумбочки.

Ящик был открыт, и внутри была маленькая четырехсторонняя книга из синей кожи.

В холле снаружи раздавались звуки жарящегося и дыма от посуды, идущей в кастрюлю.

Бай Лисинь достал маленькую книгу и открыл ее.

Это была бухгалтерская книга.

По сути, это была запись ежедневных доходов и расходов.

Из бухгалтерской книги было ясно, что большая часть ежедневных расходов уходит на еду и детей. За несколько лет женщина едва купила себе приличный наряд.

Бай Лисинь быстро пролистал ее и почти дошел до конца, когда его пальцы внезапно остановились.

Он перелистнул вперед еще несколько страниц и использовал палец как закладку, чтобы выбрать эти страницы.

В бухгалтерской книге появилось несколько странных расходов.

Большое количество снотворного, мачете, веревка, тканые мешки.....

Не было бы ничего подозрительного, если бы что-то из этого было куплено по отдельности.

Но чтобы купить их в непосредственной близости друг от друга, нельзя не думать о некоторых плохих аспектах.

Бай Лисинь пролистал еще несколько страниц, прежде чем записи резко остановились.

Он положил бухгалтерскую книгу обратно в ящик и посмотрел на содержимое другого ящика.

На этот раз это были просто повседневные тривиальные инструменты, и никаких дополнительных открытий он не сделал.

Снотворное явно не было куплено случайно.

Почерк, которым были записаны эти предметы, также не изменился, так что было очевидно, что женщина их купила.

Она купила их, намереваясь кого-то убить?

За пределами зала звук жарки стал громче, сопровождаемый звуком наливаемого в сковороду масла и проникающим запахом мяса.

Не теряя времени, Бай Лисинь вышел из комнаты и сразу же вошёл в следующую.

Эта комната была и кабинетом, и спальней.

Эта комната явно предназначалась для детей. Два стола стояли рядом у стены, а под столами стояли два табурета, на которых дети могли сидеть.

В одной половине комнаты стояла односпальная двухъярусная кровать с двумя уровнями.

Верх был покрыт розовыми простынями, а рядом с подушкой сидела кукла-зайка.

Постельное белье под ним было небесно-голубого цвета, а на стене висело несколько постеров старых аниме.

Шкаф и книжные полки были аккуратно расставлены у стены.

Эта комната была намного просторнее той, в которой жила мать.

Бай Лисинь решил сначала открыть ближайший к двери шкаф. Одежда девочки и мальчика была 50/50, и ткань, и цвет были намного лучше, чем у мамы.

Книжные полки были заставлены сборниками рассказов и маленькими игрушками, но ничего особенного.

«Подойди и посмотри на это», — крикнул Ди Цзя Бай Лисиню.

Бай Лисинь обернулся и обнаружил, что Ди Цзя сидит на маленьком табурете, который был слишком миниатюрен для него, и размахивает перед ним чем-то вроде дневника.

Он прошел вперед и встал рядом с Ди Цзя.

Это действительно был дневник.

В отличие от красивого женского почерка, почерк в дневнике был гораздо более детским.

Ди Цзя: «Я буду листать страницы, чтобы ты читал. Когда закончишь, коснись тыльной стороны моей ладони, и я узнаю».

Бай Лисинь: «Хорошо».

Дневник был открыт на первой странице.

Бай Лисинь всегда быстро читал, и в дневнике ребенка не было ничего глубокомысленного. В основном это был простой рассказ о детских днях.

В то время как внимание Бай Лисиня было приковано к дневнику, внимание Ди Цзя было приковано к пальцам Бай Лисиня.

Кристаллические, как нефрит, пальцы свисали с тыльной стороны его ладони, их круглые, мягкие подушечки слегка постукивали по тыльной стороне ладони каждые несколько секунд.

С каждым прикосновением он чувствовал тепло и нежное прикосновение Бай Лисиня.

Ни один из них не разговаривал с другим в данный момент, только одно постукивание и перелистывание страниц. У них было молчаливое понимание, как будто они были вместе очень-очень давно.

Это должно было быть зловещее призрачное окружение, наполненное опасностью и мраком, но Ди Цзя почувствовал от этого умиротворение и тепло, которых он никогда раньше не ощущал.

Как будто долгое одиночество и бесцельное ожидание были только для этого момента.

На мгновение Ди Цзя захотелось, чтобы время остановилось.

Тогда он мог бы иметь молодого человека навсегда и оставаться с ним все время.

После нескольких последовательных постукиваний Ди Цзя пришел в себя и увидел ясный взгляд Бай Лисиня, пристально смотрящий на него.

Ди Цзя поспешно перевернул страницу.

Теплые пальцы легли на тыльную сторону его ладони, мягко описывая круги, когда Бай Лисинь тихо сказал: «Ты только что погрузился в свои мысли. О чем думал?»

Пальцы молодого человека были мягкими, но все еще чувствовалось покалывание от трения. Пальцы рисовали круги, словно молча приглашая.

Несуществующее сердце Ди Цзя екнуло. Он наклонил голову, чтобы посмотреть на юношу, и увидел, что ясные глаза юноши теперь покрыты туманным туманом, что выглядит крайне двусмысленно.

— Ты соблазняешь меня? — неуверенно спросил Ди Цзя.

Пальцы Бай Лисиня немного замерли, затем он медленно вытащил их, положил на стол и легонько постучал по ним.

Взгляд Ди Цзя был прикован к постоянно постукивающим пальцам, и его мысли начали летать.

Подобные нефриту пальцы, постукивающие по столу, были благословением, которое стол возвращал в течение восьми жизней.

Стол был ничем иным, как мертвой вещью. Какая у него была добродетель, чтобы наслаждаться такой вещью?

Когда эта рука упадет на него и сыграет на нем приятную пьесу, как на пианино?

Глаза Бай Лисиня были опущены, его взгляд скрывался в тумане. Он глубоко вздохнул и подавил беспокойство: «Сейчас не время».

Ди Цзя резко поднял глаза.

Не время?

Время для чего?

Бай Лисинь приглашал его?

Грудь Ди Цзя внезапно немного распухла.

Он молча прикрыл грудь холодной рукой, чувствуя, как будто внутри что-то царапается и трется, отчего в груди становится крайне неудобно.

Как будто там было сердце.

Но он был призраком.

Таких эмоций быть не должно.

Бай Лисинь продолжил: «Если нам нужно что-то сказать или сделать, давай подождем, пока мы не будем в полной безопасности. Дом Красного Яблока, отель Подземный мир и этот жилой дом полны опасностей. Ты же не хочешь, чтобы тебя потревожили на полпути?»

Глаза Ди Цзя расширились.

На полпути?

Чего?

Проясни мне!

<http://bllate.org/book/14977/1324680>